Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Болеро

— Дженни для Майка —
«Нет никаких границ для наслаждения, которые вы способны испытывать, кроме вашего собственного воображения».
Филлип Ходсон, Энн Хупер, «Как доставить настоящее наслаждение мужчине...»
...
Множество идей, одна забавнее другой, проносились бешенным галопом в моей голове. Разбуженная тобой чувственность, доселе дремавшая, металась из стороны в стороны, тщась остановиться на чём-то определённом.
— Господи, да где же он? Ах, вот!
Пока это просто ворох тряпья, но через несколько минут я превращусь в двухцветную тропическую бабочку, жаждущую сладостного плена твоего сачка, а проще: твоего сачка жаждет твоя сучка, мечтающая о твоих цепких лапках!
Шаровары, спускающиеся от бёдер в свободном падении, расширяются к щиколоткам. Две атласные полоски ткани резко стягивают и обрывают полёт чёрно-рыжего, ласкового наощупь трикотажа, а ниже лишь вереница весело звякающих колокольчиков. Знаю, что ты любишь меня разную, любишь во мне зрелую утончённость и вкус, вкупе с детской непосредственностью и игривостью. Именно этим продиктован мой наряд сегодня. Босая, позвякивающая при ходьбе колокольцами, да ещё теми, что поясом охватывают талию, хожу перед тобой. Время от времени бросая короткие взгляды и вижу огоньки одобрения в твоих глазах. Немного пританцовываю, покручивая задницей и ловя отблески гранями чёрного бриллианта, что прикрывает мой пупок и крепится к золотой цепочке.
Чуть выше по фигуре — топ с зеркальной расцветкой. Полные груди выпячивают и едва ли не рвут ткань. «Боже, как отчаянно я хочу прикосновений, чтобы ты сжал ладонями эти плоды и отведал сока их желания!»
Ещё одна звонкая спираль обвивает мою тонкую шею, подчёркивая хрупкость ключиц. рассказы эротические Двухцветная причёска с поднятыми вверх волосами оставляет открытыми розовые ушки с крохотными серьгами-гвоздиками. Ярко-рыжие пряди вперемешку с чёрными пышно и замысловато убраны. В моей шевелюре озорно перемигиваются крошечные капельки жемчужин, рассыпанных множеством заколок. Их количество ровно такое, чтобы не превратить меня в ёлочную гирлянду.
На лице минимум косметики, лишь самыей необходимый. Пара взмахов кисточки с румянами персикового оттенка, подчёркивающих рисунок скул, да нежно-перламутровая помада на губах, придающая сочность и притягательность. Длинные ногти на пальцах рук покрыты блестящим лаком тех же двух цветов. «Жду–не дождусь, когда эти чёрно-рыжие бестии оставят пурпурные борозды на твоей спине или заднице».
Ноздри ласкает чуть заметный цитрусовый аромат, идущий, как кажется, из всех мало-мальски значимых точек на теле.
Зрительно тебя нет, но о невидимом присутствии в моём воображении говорят напрягшиеся под топиком остренькие пики грудей, натягивающие до предела двуликую ткань, да та влага, что орошает мой грот, едва лишь в памяти встают предыдущие встречи.
— Ох, как хочется, чтобы встало вполне конкретное и натянуло несколько иначе!

То и дело выскакивающий наружу розовый язычок слизывает перламутр с коралловых губ, предвкушая проникновение в глубины рта другого коралла, горячего, мужественного, твёрдого и восхитительного.
Чуть пританцовываю, страстно оглаживая упругую грудь растопыренными ладошками. Тоненькими пальчиками обвожу вспухшие соски сквозь материю. Призывно кружу в такт той мелодии, что разносится по залу. Ах, Ра вель и его «Болеро»! Чувственный марш, в котором слышится тяжёлая и основательная поступь слонов, нагруженных восточными сладостями. Итак, Равель, танцуем болеро! Для тех, кто музыку не сменит на перо, Есть в этом мире праздник изначальный — Напев волынки скудный и печальный И эта пляска медленных крестьян… [1]
Какое-то неуловимое и призрачное мелькание в карей бездне напротив, и моя рука единым движением оказывается за поясом шаровар. Все изгибы сопровождают мелодичные тренькания на бёдрах и щиколотках. Наманикюренный перст нащупывает чувствительную кнопку между влажными губками, и сама я начинаю двойное вращение рукой и бёдрами. «Ах, каким сладостным будет поцелуй моего пульсирующего «я» с головкой того коралла, что, казалось бы, рвётся сейчас наружу в бой»!
А танец мой, меж тем, продолжается, переходя от размеренных па к отрывистому импульсивному танго. Широкие бёдра начинают выписывать восьмёрки, вторя колебаниям пчелы, вещающей подругам путь к цветочной поляне с поджидающим их сладостным нектаром. Но у Джейн впереди свой мёд и свой цветок! А потому царапающие движения кончиков пальцев становятся более чёткими.
Медленно, очень медленно, едва-едва, сантиметровыми шажками высвобождаюсь из яркого низа, но не спешу освободиться от сковывающих пут на ногах. Наконец-таки переступаю через соскользнувшую на пол одежду. На лодыжках всё ещё остаются брякающие бубенцы. Чуть слышное позвякивание на ногах, бёдрах и шее. На мне лишь топ, оканчивающийся прямо под грудью и капельки сока на указательном пальце. Неторопливым движением поворачиваюсь к тебе спиной. К ущелью меж моих ягодиц спускается ещё один колокольчик, который подвешен к поясу с угольно-чёрным амулетом. Широко расставив в стороны ноги, всё ещё приплясывая импровизированной ламбадой, присаживаюсь плавно и осторожно на корточки, и одновременно с этим ввожу в себя пару пальчиков. Оттопырив слегка корму и сладко постанывая, проникну в самую глубь. Затем резко встану, зажав собственную руку ногами. Ракушка захлопнется, но не движения в ней!
Чтобы видеть твою реакцию, чувственно повернусь лицом. С хитрым прищуром погружу пальчик с остреньким ноготком в пещерку ротика и начну страстно посасывать самый кончик. Втягивая в себя и поочерёдно лакомясь своим возбуждением, буду покусывать и полизывать в воображении твой жезл, ведя размашистыми мазками влажного языка от основания к самому навершию.
Одно мгновение, и руки проскальзывают под топик. Ткань задирается чуть ли не до самого подбородка, выставляя напоказ твоему похотливому взору оба полушария. Перекатывая пальцами набрякшие в возбуждении соски, стану игриво мять грудь всей ладошкой. Мурлыча и урча, царапающим кожу росчерком макну пальцы в расщелину. Большим и указательным нежно возьму средоточие наслаждения и ласково начну его поддразнивать, упиваясь видом разливающегося сладострастия на твоём лице. Заведясь от шума твоего судорожного дыхания, сожму пальцы чуть сильнее. Всё тело охватит всполох чувственного экстаза. Воздух

сотрясёт крик блаженства.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец, Танцуй, Равель! Не унывай, испанец! Вращай, История, литые жернова, Будь мельничихой в грозный час прибоя! О, болеро, священный танец боя!
Спасибо тебе, любимый!

---

[1] Николай Заболоцкий, «Болеро»